

Слово молодым политологам

УДК 321.64 (1–925.2/3)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ АВТОКРАТИЙ

И.В. Нестерова

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

В статье рассматривается внешнеполитическая деятельность соседних государств как внешний фактор, влияющий на характер и степень признания патерналистских автократий региона на мировом уровне, а также дипломатической поддержки политических лидеров республик. Россия выступает в качестве доминирующей силы в Центральной Азии, но ее статус как региональной державы все больше оспаривается США, Китаем, Турцией, Ираном, радикально-исламистскими силами.

Ключевые слова: геополитический фактор, политические риски.

Geopolitical Factors and the Political Risks of the Central Asian Autocracies

I.V. Nesterova

The article discusses foreign policy of neighboring states as an external factor influencing the nature and degree of recognition paternalistic autocracies of the region on a global level, as well as diplomatic support for the political leaders of the republics. Russia acts as a dominant force in Central Asia, but its status as a regional power increasingly challenged by the United States, China, Turkey, Iran, the radical Islamist forces.

Key words: geopolitical factors, political risks.

Юго-восточная окраина бывшего СССР, по утверждению многих исследователей, должна была стать центром большой геополитической игры, в которую будут втянуты не только крупные мировые державы (США, Китай, Россия), но и мусульманские государства (Турция, Иран, Пакистан) с идеей интеграции этих республик в широкое сообщество «Большого Востока»¹. Занимая особое положение между западной и восточной частями Евразии, обладая богатейшими запасами минеральных ресурсов, Центральная Азия действительно стала местом столкновения интересов многих государств. Используя терминологию З. Бжезинского, государства Центральной Азии стали одним из геополитических центров, т.е. «государствами, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц»². Все республики Центральной Азии были включены З. Бжезинским в так называемую зону глобальной нестабильности³. Богатейшие запасы природных ресурсов государств

Центрально-Азиатского региона в сочетании с их внутренней нестабильностью, по мнению автора, «возбуждают национальные амбиции, мотивируют корпоративные интересы, вновь разжигают исторические претензии, возрождают имперские чаяния и подогревают международное соперничество»⁴.

И все же, несмотря на особое значение Центрально-Азиатского региона, не следует переоценивать ту роль, которую он играет в системе международных отношений. Учитывая особенности его географического положения: глубинную континентальность, обделенность водными путями и, как следствие, труднодоступность минеральных природных ресурсов для потенциальных потребителей, интерес к данному региону (как экономический, так и политический) во многом зависит от мировой политической конъюнктуры и отличается непостоянством.

Происходящие на практике в течение уже почти двух десятилетий внешнеполитические процессы обеспечивают взаимовыгодное сотрудничество между странами Центральной Азии и другими государствами, при котором достаточно редко затрагиваются проблемы авторитарной природы политических режимов и соблюдения демократических практик. Американские эксперты, в частности, профессор политологии, старший научный сотрудник Фонда Карнеги М. Олкотт, фактически перекладывают ответственность за произошедшие в регионе перемены на потворствующее автократорам российское руководство: «пусть коррумпированные лидеры манипулируют выборами, как им заблагорассудится, а экономические реформы по-прежнему идут медленно и вяло к выгоде местных чиновников»⁵. Однако с возможностью разместить военные базы НАТО в Узбекистане и Кыргызстане (а также в Таджикистане) пафос антикоррупционных и антиавторитарных высказываний в отношении политических режимов региона был смикширован.

Основой же внешнеполитической стратегии центрально-азиатских республик всегда был принцип многовекторности. Усиление тех или иных внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов зависело от многочисленных факторов внутривнутриполитического развития республик, но определяющую роль всегда играли внеш-

неполитические предпочтения и личные интересы центрально-азиатских лидеров, которые, по Э. и Х. Тоффлерам, напоминали «сборище коррумпированных феодальных баронов, действующих с помощью тесных личных, семейных и земляческих отношений» и ждавших «от Москвы защиты и дармовщины».

Маятниковый характер внешнеполитической стратегии был в целом характерен для всех республик этого региона. После распада Советского государства все без исключения республики Центральной Азии стали активно сотрудничать прежде всего с исламскими государствами – Турцией, Ираном, Пакистаном, Афганистаном, Саудовской Аравией.

Но уже к середине 1990-х гг. руководство центрально-азиатских республик осознало, что Турция, как и Иран, слишком слабы, чтобы оказывать серьезное благотворное влияние на экономическое развитие независимых государств. В итоге лидерами всех без исключения республик были решительно отвергнуты попытки реализации Турецкой Республикой идей пантюркизма, идей Великой Турции, которая должна была сплотить весь тюркский мир от Байкала до Средиземного моря и Дуная.

В таком же русле развивались отношения между республиками Центральной Азии, европейскими странами и США. Надежды на экономические инвестиции, поддержку экономик молодых государств развитыми западными странами, льготные кредиты делали второстепенными даже проблемы сотрудничества в сфере безопасности. Каждая из республик, чувствуя интерес со стороны западных государств, демонстрировала свою отдаленность не только от России, но и от своих ближайших соседей. Такой поворот во внешней политике центрально-азиатских республик многие расценивали как полную утрату Россией своих позиций на территории бывшего СССР и противодействие СНГ, уже и без того слабого политического образования⁶.

Реальный же интерес США и европейских стран основывался прежде всего на возможности расширить свое присутствие в значимом стратегическом регионе и установить контроль над крупнейшими месторождениями стратегически важных ресурсов.

В частности, для США Казахстан представлял интерес с точки зрения богатейших природных ресурсов. В связи с этим между двумя странами подписывались контракты о долгосрочном сотрудничестве в сфере разведки, добычи и транспортировки нефти, газа, а также редких и благородных металлов и т.д. Активную роль США продолжают играть и в вопросе урегулирования статуса Каспия, где расположены основные запасы углеводородов Казахстана⁷. Политика так называемых «двойных стандартов», которой руководствуются США в своей внешнеполитической деятельности, более или менее отчетливо

проявляется именно в отношении к региону Центральной Азии.

Политический режим И. Каримова в Узбекистане уже в начале 1990-х гг. подвергался критике со стороны США за медленное проведение рыночных реформ, усиление роли государства в экономике и т.д. Но уже к середине 1990-х гг. этой республике была отведена роль «регионального гегемона»⁸.

В качестве показательного шага Узбекистан в мае 1999 г. выходит из договора о коллективной безопасности (ДКБ) и вступает в ГУАМ (ставший ГУУАМ), блок, считавшийся «демократической альтернативой СНГ». Однако этот явно проамериканский шаг Ташкента не помешал США выступить с критикой режима И. Каримова и очередных парламентских выборов в Узбекистане, названных «несвободными и нечестными»⁹.

В результате событий 11 сентября 2001 г. США были вынуждены изменить свою позицию в отношении И. Каримова, так как Узбекистан должен был стать ключевой базой для борьбы против терроризма на территории Афганистана. В 2002 г. в республике появляются две военные базы, и руководство Узбекистана рассчитывает на активную финансовую помощь. Но именно этот период исследователи считают началом больших разногласий между двумя странами¹⁰. Так и не дождавшись больших финансовых влияний, льготных кредитов, руководство республики все чаще стало говорить о неоправданных ожиданиях, связанных с сотрудничеством с США. В свою очередь, американское руководство стало усиливать критику, теперь касаясь не только личности президента и его нежелания развивать демократию и гражданское общество, но и проводимой экономической политики, несоблюдения прав человека, преследования оппозиции и т.д.¹¹.

События в Андижане в 2005 г. еще более обострили противоречия между США и Узбекистаном, хотя реакция США на происходящее в стране была более сдержанной, чем ожидалось. Изменился и внешнеполитический курс узбекского государства. Уже весной 2005 г. Узбекистан выходит из организации ГУУАМ и возвращается в ОДКБ, а также вводит ограничения на использование США базы Ханабат.

Отношения США и двух других республик Центральной Азии – Киргизии и Туркменистана – носили менее противоречивый характер. Первоначально Киргизия не рассматривалась США в качестве активного участника внешнеполитического взаимодействия в силу как геополитического положения, так и внутреннего потенциала, но именно на Киргизию США возлагали большую надежду в плане скорого установления демократических принципов, а А. Акаев считался самым главным «проводником демократии» в регионе. Но по показателям так называемой неправительственной независимой правозащитной организации

Freedom House (финансируемой Государственным департаментом США) из «частично свободной» в 1999 г. Киргизия в 2004 г. стала уже определяться как «несвободная»¹². Тем не менее недовольство США «недемократичностью» режима А. Акаева никак не отразилось на их намерении сотрудничать с киргизским руководством, особенно с началом контртеррористической операции в Афганистане и предоставлением ВВС США в 2001 г. авиабазы Манас.

Что касается внешнеполитического сотрудничества между США и Туркменией, то оно на протяжении всей новой истории туркменской республики развивалось прагматично, осторожно и довольно вяло. С самого начала своей внешнеполитической деятельности туркменский лидер С. Ниязов был нацелен в первую очередь на активное сотрудничество с Турцией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном. Западные страны во главе с США, так же как и ближайшие соседи по СНГ, никогда не относились к приоритетам внешней политики туркменского руководства.

Закрытость туркменского государства, обеспеченная статусом нейтралитета в 1995 г., наличие огромных запасов нефти и газа позволили туркменскому руководству, с одной стороны, умело дистанцироваться от жесткой критики со стороны США нарушений прав человека в республике, с другой – с выгодой для себя заключать договоры и недолгосрочные контракты. Озабоченность США сложившимся политическим режимом личной власти С. Ниязова в туркменской республике периодически сменялась повышенным интересом к тем или иным «газовым» проектам. Так, например, активизация сотрудничества была связана с проектом строительства стратегического газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан. Меморандум о взаимопонимании по вопросам создания консорциума для строительства газопровода был подписан в 1996 г. Туркменией, Россией, США и Саудовской Аравией, но именно американской нефтяной компании Unocal были предоставлены эксклюзивные полномочия на формирование консорциума. Но этот трансафганский проект не был реализован в силу сложной нестабильной внутривосточной ситуации в Афганистане.

Следующая волна интереса к Туркмении со стороны США была связана с проектом строительства уже транскаспийского газопровода между Туркменистаном и Турцией, в котором были задействованы страны-члены ГУУАМ: Грузия, Азербайджан, Украина. Учитывая положительные отзывы со стороны европейских стран и США теперь уже о новом туркменском лидере и его «демократически ориентированных» реформах, становится понятным, что интерес к газовым проектам и к туркменской республике в ближайшее время будет только возрастать.

Особым образом развивались отношения между бывшими советскими республиками

Центральной Азии и Россией. Даже в моменты наибольшего взаимного охлаждения отношений Россия оставалась одним из главных участников внешнеполитического сотрудничества для этих республик, потому что была единственной страной, которая сознательно брала на себя ответственность за поддержание безопасности в регионе. В коллективной монографии «Владимир Путин. Рано подводить итоги» постулируется «феномен постимперской легитимности»: бывшие советские республики, получившие формально-правовой статус, тем не менее на достаточно протяженном отрезке времени фактически продолжают существовать как экономические и политические придатки бывшей метрополии¹³. Однако следует признать, вплоть до принятия в 2000 г. Концепции внешней политики Российской Федерации Центральную Азию трудно было отнести к ее приоритетному направлению. И только в начале 2000-х гг., когда отношения между США и республиками ЦА пошли на спад, отметился значительный перелом во внешнеполитических стратегиях России и государств Центрально-Азиатского региона¹⁴. Примечательно, что, в отличие от США и Европы, Россия и Китай никогда не настаивали на необходимости построения демократии в регионе, отдавая приоритет прежде всего внутренней стабильности режимов. С каждой из республик система отношений выстраивалась с учетом как общемировой политической конъюнктуры, так и особенностей внутривосточного развития и интересов центрально-азиатских государств, поиска выгодного обеим сторонам внешнеполитического взаимодействия. При этом укрепление отношений именно в данном направлении наиболее прогнозируемо при условии пролонгации власти в республиках Центральной Азии представителей «советской эпохи», с которыми у В.В. Путина и Д.А. Медведева сложились взаимопонимание и деловые отношения. В случае прихода к власти политических лидеров нового поколения, впитавших в себя ценности национальной независимости и, уже возможно, с исламской окраской, вероятность сотрудничества с Россией как с главным союзником может резко понизиться. Это и осознавало российское руководство, когда, в отличие от стран Запада и США, незамедлительно поддержало силовые действия И. Каримова во время андижанских событий.

Лояльное отношение Россия демонстрировала и к более жесткому режиму в туркменской республике. С одной стороны, российскому руководству было очевидно, что в туркменской республике установлен жесткий, если не жестокий авторитарный режим, который по степени концентрации личной власти не может быть сравним ни с одной из бывших советских республик. С другой стороны, важность Туркмении как ключевого партнера в газовой сфере заставляла российское руковод-

ство фактически игнорировать происходящие в республике внутривластные процессы. И подобная позиция Кремля также становилась фактором институционализации авторитаризма Туркменбаши. Отношения между странами являлись результатом несговорчивости и оригинальности туркменского лидера С. Ниязова, от личных настроений которого полностью зависела внешнеполитическая стратегия туркменской республики. Туркменский президент четко дистанцировался от всех проектов, даже формально обозначающих курс на интеграцию бывших советских республик. Достаточно отметить, что Туркмения не входит ни в ОДКБ, ни в ЕврАзЭС и крайне редко принимает участие в саммитах стран-участниц СНГ. Статус нейтралитета позволял туркменскому лидеру более чем прагматично выбирать выгодных партнеров для внешнеполитического взаимодействия.

В силу совокупности причин (богатство республики энергетическими природными ресурсами, важность стабильной внутривластной обстановки и др.), в отличие от иракского диктатора, силовое свержение режимов туркменских «баши» С. Ниязова, а теперь и Г. Бердымухамедова невыгодно ни Западу, ни США, ни России. Так или иначе, но статус нейтралитета, действительно, обеспечивает особую роль Туркменистана в Центрально-Азиатском регионе и дает туркменскому руководству широкие возможности выбирать стратегически выгодных партнеров.

Существующая объективная взаимозависимость между Россией и Туркменистаном в вопросах газового сотрудничества отодвигает на второй план вопросы, касающиеся особенностей режима личной власти туркменских президентов, нарушения прав человека в республике и т.д.

Дальнейший вариант развития внешнеполитических отношений во многом носит субъективный характер, так как зависит от настроений туркменского президента Г. Бердымухамедова. Повышенный интерес к природным ресурсам этой республики со стороны ведущих мировых держав объективно облегчает повторение сценария институционализации авторитарного режима в республике.

Особое геополитическое положение республик Центральной Азии и наличие на их территории большого количества природных минеральных и энергетических ресурсов во многом позволяют местным политическим элитам при выстраивании внешнеполитической стратегии (соответственно с «восточной мудростью») обеспечивать сохранение и упрочение своей политической власти, опираясь на поддержку либо России, либо западных стран, в зависимости от мировой политической конъюнктуры. Вместе с тем мировым державам, в силу определенных геостратегических и экономических причин, также не выгодна дестабилизация и дальнейшая

исламизация Центрально-Азиатского региона. Надежно сдерживать эти процессы возможно только в условиях жесткой политической системы, осознание чего и объясняет лояльное отношение к тем режимам, которые сложились на территории бывших советских республик. При этом потенциальная политическая оппозиция в республиках также делает ставку на фактор внешней поддержки.

И здесь России необходимо сделать взвешенные и рассчитанные на долговременную перспективу внешнеполитические шаги, чтобы отстаивать свои геостратегические интересы в регионе, который активно осваивают не только США, но и КНР.

При подготовке новой российской внешнеполитической стратегии в Центрально-Азиатском регионе придется учесть и фактор институционализированной патерналистской автократии, феномен которой, по всей видимости, будет еще длительное время определять характер и перспективы политических процессов в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане.

Примечания

- 1 См., например: Форум: новая геополитическая ситуация в Центральной Азии и её импликация для России // Восток. 1993. № 6. С. 63–131; *Файзуллаев Д.* Россия и геополитическая перегруппировка сил в Центральной Азии // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 3. С. 10–15; *Серебрянников В.В.* Вторжение США в Центральную Азию // *Соц.-гум. знания*. 2002. № 5. С. 305–315; *Лузянин С.Г.* Восточная политика В. Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). С. 194.
- 2 *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. С. 55.
- 3 Там же. С. 150.
- 4 Там же. С. 151.
- 5 *Олкотт М.* Размышления о политике США в Центральной Азии // *Pro et contra*. 2000. Т. 5, № 3. С. 163.
- 6 Конфликты в СНГ: некоторые вопросы методологии исследования // *МЭ и МО*. 1994. № 8–9. С. 62, 64.
- 7 *Магомедов А.К.* Каспийская нефть и российские регионы: меняющаяся природа локальных интересов вдоль нефтепровода Тенгиз–Новороссийск (сравнительный анализ). *Asta Slavica Iaponica*. Sapporo, Japan, 2002. Tomus XIX. С. 22.
- 8 Цит. по: *Файзуллаев Д.* Указ. соч. С. 10.
- 9 Там же. С. 11.
- 10 См., например: *Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 211; *Файзуллаев Д.* Указ. соч. С. 11.
- 11 См.: *Олкотт М.* Указ. соч. С. 168.
- 12 *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М., 2002. С. 261.
- 13 *В. Путин.* Рано подводить итоги. М., 2007. С. 385.
- 14 См., например: *Серебрянников В.В.* Указ. соч. С. 310; *Файзуллаев Д.* Указ. соч. С. 13; *Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 197–203.